

15-го и 16-го Юня 1908 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и чибретто с-петербургскихъ театровъ

Мои символы и настроенія.

Что я поэтъ, въ этомъ никто не сомнѣвается. Менѣ всего, конечно, сомнѣваюсь въ этомъ я самъ. Но вотъ что интересуетъ меня въ высшей степени: съ настроеніемъ я или безъ.

Какой-то лекторъ заявилъ, что писатели обоихъ полушарій дѣлятся на писателей «съ настроеніями и безъ оныхъ».

Его лекція, въ которой онъ уподобляетъ «настроенія» аромату цвѣтовъ, произвела на меня неизгладимое впечатлѣніе.

Да, несомнѣнно, цвѣты и писатели бываютъ съ духомъ и безъ оного. Завидна участь душистыхъ писателей и прискорбна участь писателей, не издающихъ запаха.

Я сталъ прихорашиваться къ знакомымъ и незнакомымъ писателямъ и увидалъ, что правъ почтеннѣйшій лекторъ, тысячу разъ правъ.

Даже репортеры и тѣ дѣлятся на ароматическихъ и протыхъ. Репортеры съ букетомъ—оптимисты, безъ оного—пессимисты.

Итакъ, тщетно читалъ я и перечитывалъ свои стихотворенія; иногда мнѣ казалось, что они съ настроеніемъ, а иногда сомнѣнія закрадывались въ душу. Чтобы разрѣшить гнетущій меня вопросъ, я набрался смѣлости и пошелъ къ специалисту по этой части, тому самому лектору.

Передъ нимъ раскрылъ я свои сомнѣнія и, указавъ на пукъ моихъ стиховъ, воскликнулъ:

— Рѣшите сами, великій учитель, мою участь!

— Потрудитесь прочитать такое стихотвореніе, въ которомъ, по вашему собственному мнѣнію, наибольшее количество градусовъ настроенія.

Я откашлялся и прочелъ:

Я хочу тебѣ нѣчто сказать, милый другъ.
Только знай, что слова мои—тайна.
Я ихъ здѣсь не скажу, гдѣ ликуетъ вокругъ
Вся природа. Подслушать случайно
Можетъ насъ мотылекъ. Онъ расскажетъ
Цвѣтамъ

Эту тайну, а тѣ по секрету
Ручейку все расскажутъ, журчащему тамъ,
Ну, а тотъ фантазеру-поэту—
Соловью. Соловей, услышавъ отъ ручья,
Тайну мамѣ твоей перескажетъ.
И тогда твоя мама тебя и меня...

Непримѣнно обоимъ накажетъ.

— Превосходно.. накажетъ, конечно, символически...

— Какъ символически?—изумился я.

— Вѣдь, это же... у васъ символъ?..

— Нѣтъ, это... напротивъ, реализмъ... Вѣдь и у Чехова и у Горькаго реализмъ не мѣшаетъ настроенію...

— Что вы... это у васъ символъ... вы сами не понимаете. Прочтите что-нибудь другое.

Я прочелъ:

Мнѣ все знакомо тамъ: деревня и трава,
Цвѣты и легкихъ грезъ крылатыхъ вереницы.

Онѣ передо мной мелькаютъ, какъ слова
Давно, давно прочитанной страницы.
Мнѣ все знакомо тамъ: я знаю напередъ,
О комъ кто думаетъ и кто что дѣлать хочетъ.

О чемъ тамъ соловей такъ весело поетъ
И ручеекъ такъ весело хохочетъ.
Тамъ каждый листъ деревъ изъ грезъ любви
Сотканъ,

Тамъ макъ подѣловать старается ромашку...
И каждый, съ позволенія сказать, букашъ,
Какъ я въ тебя, влюбленъ въ свою букашку...

— Прекрасно. Только букашка немного расхолаживаетъ настроеніе... Настѣкомыя, вообще, для настроенія не годятся...

— А какъ же сверчокъ въ «Дядѣ Ванѣ»?.. Это такой реализмъ, который усиливаетъ настроеніе...

— Напрасно вы думаете. Сверчокъ у Чехова—символь. Символь мѣщанской, монотонной жизни, символъ дядиванства, трехсестризма... Впрочем, и у васъ, вѣроятно, букашка—символь чего-нибудь... Я подумаю, чего именно, а вы пока прочтите еще...

Я опять прочелъ:

Съ каждымъ днемъ приходъ замѣтнѣе весны:
Изъ далекихъ странъ грачей вернулася стая...
Радостно смѣется, солнышко блистаетъ...

Душу наполняютъ радужные сны...
Съ горъ ручьи сбѣжали мутные, журча...
На вѣтвистыхъ вербахъ показались почки...
Изъ-подъ снѣга вышли первые цвѣточки
И подъ лаской таютъ майскаго луча...
Пѣсня рыбаковъ несется по рѣкѣ...
Всюду ярче краски, веселѣе тоны...
Ужъ въ саду давно на яблоняхъ бутоны,
И bouton d'amour у милой на щекѣ...

— Еще символъ, и такой яркій, выпуклый, внушительный!.. bouton d'amour... да вы Бодларь!

— Символь чего?—робко спросилъ я учителя.

— Символь земной, плотской любви!..

— Читайте же, читайте еще.

Читаю:

Я пришелъ къ тебѣ. Ты знаешь,
Для чего пришелъ къ тебѣ я.
Что головкою качаешь?
Одѣвайся поскорѣ!

Въ глубь задумчиваго сада
Ты пойдешь сейчасъ со мною,—
Въ садъ, гдѣ жутчая прохлада
Съ гармоничной тишиною;
Въ садъ, гдѣ ласковыя грезы
Съ ароматными мечтаи,
Гдѣ росы нѣжныя слезы
Отряхаются листьями...
Миръ тамъ дремлетъ, отдыхаетъ;
Отъ дневной тяжелой ноши...
Торопись же, дорогая,
Не забудь надѣть калоши!..

— Калоши, какъ символъ прозаической, будничной, мѣщанской жизни!.. Какъ это ново! Оригинально!.. У Чехова символъ трехсестризма и дядиванства—сверчокъ, а у васъ—калоши!.. Изумительно смѣло. Настроеніе въ калошахъ!.. Bravo, bravo!..

— Позвольте... я никогда и не думалъ, что это символъ...

— Да развѣ поэты, писатели думаютъ?..— Они говорятъ, а не думаютъ!.. Мы за нихъ думаемъ и отыскиваемъ символы и настроенія...

— Вотъ смотрите, я приготовилъ объясненіе къ «Тремъ сестрамъ»...

Никто, представьте себѣ, до сихъ поръ еще не понимаетъ многихъ символовъ Чехова... Ну что у васъ еще имѣется?..

Я сталъ смѣлѣе. Я прочелъ слѣдующія вещицы:

Я брожу въ аллеяхъ сада,
Словно тѣнь отца Гамлета,
И душа моя не рада
Блеску радостному лѣта.
Весь истерзанъ я судьбою,—
Жизнь разлукою разбита.
Потерялъ я все съ тобою,
Кромѣ развѣ аппетита...

Затѣмъ:

Мы съ тобою въ аллеяхъ бродимъ здѣсь
укромныхъ,

Потому что скрылись отъ очей нескромныхъ,
Потому что знаемъ мы съ тобою отлично,
Что ведемъ себя довольно неприлично.
О, когда бъ могли насъ видѣть дамы свѣта!
Вся ты растрепалась... Даже безъ корсета...
Не по модѣ платье... слишкомъ лифъ ко-
ротокъ...

Въ волосахъ застряла пара пилльотокъ,
Даже на рукахъ твоихъ заамѣнъ перчатокъ,
Губъ моихъ горячихъ виденъ отпечатокъ...

Я читалъ и читалъ, и съ каждымъ стихотвореніемъ лекторъ находилъ у меня все новые и новые символы. Подъ конецъ я до того обнаглѣлъ, что и самъ началъ весьма удачно открывать у себя чуть не въ каждомъ словѣ символъ.

Нарвался я на слѣдующей вещичкѣ:

Ты сказала: «Помни вѣчно»
«О твоей голубкѣ Манѣ»...
И отвѣтилъ я: «конечно»...
«Постараюсь!». А въ карманѣ
У меня лежалъ платочекъ
Носовой... и со слезами
Я «на память» узелочекъ
Затянулъ на немъ зубами.
И съ тѣхъ поръ, тебѣ покаюсь,
Не мѣнялъ еще платка я:
Каждый разъ въ него сморкаюсь.
Наше счастье вспоминая...

Сколько ни ломали мы голову, не нашли въ этомъ стихотвореніи и крупницы символа.

Вдругъ мой слушатель воскликнулъ:

— А знаете что? Вѣдь это стихотвореніе писали не вы. Вы—символистъ съ настроеніемъ!.. Вы не могли его написать. Сознайтесь!..

И онъ, какъ дважды два,—доказалъ мнѣ, что я не могъ его написать.

— Кто же его написалъ, изумился я: въ моей тетрадкѣ и моимъ почеркомъ?..

— Этого я не знаю. Только, повторяю, вы не могли его написать, какъ не могъ написать нѣкоторыхъ рассказовъ, помѣщенныхъ въ его сборникахъ, А. П. Чеховъ...

Графъ Бенгальскій.